

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколѣнь – Хэсэд Дорот“
Издаётся с декабря 2000 года.

Кислев/Тевет 5777 декабрь 2016

Весёлой Хануки!

Ханука

В 370 г. до н.э. персидский царь Кир разрешил евреям вернуться из Вавилона в Землю Израиля для возведения Храма. Спустя восемнадцать лет Второй Храм был достроен и освящён. В период его строительства Земля Израиля была под властью Персии, но после победы Александра Македонского над персами она оказывается под контролем греков. С этого момента начинается двухсотлетняя история сложных взаимоотношений евреев с греками. Пока был жив Александр Македонский, евреи находились под властью греков, но не испытывали физических или духовных притеснений. Агада рассказывает, что евреи признали власть Александра без войны, так как он обещал им самоуправление и свободу религиозной жизни. Александр Македонский относился с уважением к еврейским Мудрецам.

После смерти Александра Македонского его царство было разделено на три части. Один из его полководцев стал править в Греции, другой – в Египте, третий – в Сирии. Земля Израиля попала под власть династии Птолемея, правивших Египтом.

Позже (198 – ок. 140 г. до н.э.) Израиль завоевывает эллинистическая Сирия, в которой правит династия Селевкидов. С этого момента угнетение евреев резко усиливается. В это время культура эллинистического мира уже не была культурой Греции классического периода. На её основе образовалась „всемирная универсальная культура“, проникшая во все страны, завоеванные Александром Македонским и вобравшая в себя культы и обычаи каждой из них. Греческий взгляд на мир и греческая философия, культивировавшие чувство „гражданина Вселенной“ и трактуемые как „высшее достижение прогресса и цивилизации“, получили широкое распространение. Македония и Рим, Сирия и Египет воевали друг с другом, но эллинизм объединял их, и не только их, но и почти все народы мира, кроме евреев, хотя и среди евреев были такие, которые пошли за греками. Их стали называть эллинистами, но большая часть народа оставалась верна Торе. В 174 г. до н.э. царём Сирии стал Антиох IV Эпифан, который решил „осчастливить достижениями прогресса“ также и евреев, „погрязших в древних суевериях“. Антиоха поддерживали евреи-эллинисты, считавшие, что греческое мировоззрение откроет евреям путь в „семью народов мира“. Началась эпоха насильственной эллинизации, Антиох издал указ, запрещающий под угрозой смерти чтение и преподавание Торы, соблюдение еврейского Закона. Особенно сурово каралось обрезание, соблюдение субботы и освящение нового месяца.

Когда гонения на евреев достигли апогея и им, доведённым до отчаяния, оставалось либо покориться, либо окончательно исчезнуть с лица земли, вспыхнуло восстание, оказавшее огромное влияние на всю последующую жизнь евреев и укрепившее их национальный дух. Восстание было организовано семьёй Хасмонеев из рода кознов, которая занимала в обществе видное положение. Главой семьи был престарелый Матитьягу из рода Иоярива.

Отец его был Первосвященником, и когда-то Матитьягу жил в Иерусалиме, но после осквернения Храма покинул его и переселился в город Модиин, находившийся на северо-западе от Иерусалима. У Матитьягу было пятеро сыновей: Иоханан, Шимон, Иегуда, Элазар и Йонатан.

В 167 г. до н.э. в Модиин прибыл небольшой сирийский отряд под командованием Апеллеса, который, созвав жителей, стал требовать, чтобы они принесли жертвы греческим идолам и отреклись от своей веры, Матитьягу с сыновьями и друзьями находился в толпе. И когда Апеллес предложил ему как наиболее авторитетному чину общины подать пример евреям и подчиниться приказу, Матитьягу ответил: „Если бы даже все народы, живущие в Сирийском царстве, послушались ца-

ря и отреклись от веры отцов своих, то я, мои сыновья и братья всё равно остались бы верны Законам нашего Б-га“. Увидев, что один еврей из толпы подошёл к воздвигнутому на площади алтарю, чтобы принести жертву Зевсу, Матитьягу бросился на вероотступника и убил его. Сыновья Матитьягу напали на Апеллеса и его отряд, перебили их и разрушили греческий алтарь. Так началось восстание, которое стало поворотным пунктом в истории евреев. К началу восстания Матитьягу был уже очень стар и вскоре умер.

Перед смертью он возложил командование на одного из своих сыновей – Иегуду. Предание говорит, что в Иудее не было воина, равного Иегуде, со времён царя Давида. Своей необыкновенной отвагой он заражал всех окружающих и даже из самых робких людей делал героев. Обладая даром полководца, он вступал в бой в наиболее подходящий для этого момент, умело используя все слабости врага. Иегуда и его братья получили прозвище Маккаби (Маккавеи). Одни считают, что оно происходит от слова „молот“, другие – что оно представляет собой аббревиатуру слов, составляющих цитату из книги Шмот: „Кто сравнится с Тобой силой, Г-споди?“. Одерживаемые победы вселяли в еврейских воинов веру в свои силы, в них они увидели знак того, что Б-г не оставил Свой народ. Жестокие сражения длились три года, пока, наконец, в 165 г. до н.э. 25 числа месяца Кислев Маккавеи изгнали греков из страны.

Первым делом они отправились в Храм, чтобы освятить его. Стали искать чистое масло для зажигания Меноры – храмового светильника, но нашли лишь маленький кувшинчик с печатью Первосвященника, масла в нём должно было хватить только на один день. Однако случилось чудо: оно горело все восемь дней, которые потребовались для приготовления нового масла. На следующий год в память обо всех этих событиях и был установлен праздник Ханука.

Война, которую вели Хасмонеи против власти греков, не похожа на обычное восстание поработённых против своих угнетателей. Греки не посягали на физическую свободу евреев, они стремились поработить Израиль духовно. Более того, греки считали, что освобождают Израиль от „предрассудков и отсталости“ и оказывают ему благодеяние, силой навязывая ему свою культуру, философию, науку, язык. Ради достижения этих „благородных“ целей они решились пролить реки крови ни в чём не повинных людей.

Евреи того времени, оставшиеся верными Торе, и, прежде всего, семейство первосвященников Хасмонеев, видели в греческой культуре худшую из всех разновидностей языческого сознания. Тора, еврейская философия отвергают любое служение идолам, любой отход от веры во Вс-вышнего, управляющего всем миром.

„Ультрагуманистическая“ греческая философия, объявлявшая человека не только самым совершенным из творений Вс-вышнего, но и единственным подлинным центром Вселенной и по существу сделавшая его объектом поклонения, была верхом идолопоклонства. Когда человек охотно творит из самого себя кумира, когда все виды человеческой деятельности обращаются на службу этому кумиру, когда удовлетворение его потребностей становится едва ли не всеобщей философией, мир начинает задыхаться от эгоизма, от распрей и погрязает в пучине духовной скверны.

Евреи одержали победу в борьбе за свою веру, но память о победе была увековечена лишь благодаря свету Меноры, находящему своё выражение в наше время в свете ханукального светильника. К сожалению, иногда, говоря о Хануке, имеют в виду лишь военный аспект событий. Тора не отрицает борьбы за физическую свободу. Вожди народа, борющиеся против поработителей, заслуживают всяческого уважения, и, конечно, о них необходимо помнить. Но военные победы сами по себе не заслуживают того, чтобы их увековечили особым праздником. Достояна увековечения лишь победа духа. Поэтому наши Мудрецы постановили, что главное в праздновании Хануки – это зажигание свечей, поскольку важна не сама победа, а то, ради чего она была достигнута – духовный свет, свет Торы.

В память о чуде, происшедшем при освящении Храма, мы зажигаем свечи Хануки, и это центральный момент празднования, поэтому Хануку иногда называют „праздником огней“. Обязанность зажигать свечи лежит на всех мужчинах, женщинах и детях старше девяти лет.

Однако считается достаточным, если глава семьи зажигает один светильник за всех. В память о Меноре, которая была очень красива, принято зажигать самые красивые свечи и ставить их в красивый подсвечник. Ханукальные светильники зажигают после захода солнца (исключение делается только в канун Шаббата).

Ханукальные свечи зажигает глава семьи, причём, в первый вечер – один огонёк, во второй – два, и так далее, пока на восьмой вечер не будут зажжены все 8 огней. Этот порядок установлен, чтобы напомнить, что каждая новая свеча драгоценнее предыдущей, ибо напоминает о чуде, становившемся всё более явным и значительным с каждым днём. Подсвечник помещают слева перед входом в дом, или внутри квартиры, на подоконнике того окна, которое выходит на улицу, так, чтобы его видело наибольшее количество людей. Если это возможно, следует наполнять ханукальные светильники очищенным оливковым маслом и пользоваться фитилём. Это напоминает о светильниках, стоявших в Храме, в которых тоже горело оливковое масло. Но годятся и любые другие масло и фитиль, если их пламя горит ровно и не даёт копоти.

Можно зажигать восковые или парафиновые свечи. Огни ханукальных светильников священны, поскольку их зажигают с единственной целью – исполнить заповедь. Поэтому запрещается пользоваться их светом для чтения или для какой-либо работы. Свечи Хануки – символ Меноры: как Менора в Храме служила источником не физического, а духовного света, который Храм давал миру, так и ныне ханукальные свечи предназначены для исполнения заповеди. Это назначение свечей Хануки подчеркивается обычаем устанавливать „нер шамаш“ – дополнительную „рабочую свечу“, как бы говоря этим: шамаш – для освещения комнаты, а свечи Хануки – для духовного света. Шамаш, от которого зажигают огни, помещают выше остальных свечей, чтобы его можно было отличить от них. При зажигании свечей все домашние собираются вместе для большего „прославления чуда“. Принято сидеть возле горящих ханукальных огней около получаса.

Издавна сложился обычай устраивать в дни Хануки более обильные, чем обычно трапезы. Сопроводять их песнями, сложенными в честь этого праздника, и рассказывать о чудесах, которые Вс-вышний совершил для наших предков в те дни. В дни Хануки запрещено поститься.

В дни Хануки разрешено работать. Но, согласно древнему обычаю, всё время, пока горят ханукальные светильники, женщины не работают. Основой для этого обычая послужило чувство глубокой благодарности женщин ко Вс-вышнему за чудо Хануки, поскольку издевательства, которым они подвергались во времена греческого владычества, были особенно тяжёлыми. Кроме того, этот обычай напоминает о подвиге Иегудит, дочери Первосвященника из рода Хасмонеев. Когда её насильно привели к греческому правителю, она притворилась, что готова уступить его желанию, и накормила его едой, приготовленной из сыра и вызывающей жажду. Затем она допьяна напоила его вином, а когда он уснул, отрубила голову и принесла её в Иерусалим. Увидев голову убитого полководца, греческие воины в страхе бежали.

Во многих общинах устраиваются различные детские мероприятия, задача которых пробудить в детях тягу и интерес к еврейству, к Торе. Существует обычай раздавать детям в ходе этих мероприятий „ханукальные деньги“ с тем, чтобы привлечь их внимание и интерес. Часть этих денег надо обязательно отдать на цдаку. Детей следует приучать к этому с малых лет, тем более что в дни Хануки принято давать на цдаку больше денег, чем обычно. Дети в дни Хануки играют в совивон (дрейдл) – четырёхгранный волчок, на гранях которого начертаны еврейские буквы „нун“, „гимел“, „гэй“ и „пэй“ (в диаспоре – „шин“). Это первые буквы слов фразы: „Великое чудо произошло здесь (в диаспоре – там, т.е., в Эрец-Исраэль)“. Хотя в Хануку необязательно устраивать праздничную трапезу, большинство евреев всё-таки стараются в эти дни садиться за стол в праздничной обстановке, беседовать о Торе, и рассказывать о чудесах Хануки. В дни Хануки принято готовить традиционные ханукальные кушанья: картофельные оладьи (латкес на идиш) и пончики. С Ханукой связан и способ их приготовления с использованием растительного масла, что напоминает о ханукальном чуде. Также едят молочное – в особенности блюда, приготовленные из сыра.

По материалам еврейских сайтов Интернета.

102 роки тому загиблих поліцейських ховали всі Черкаси

Загибель двох поліцейських від рук бандита в Дніпрі сколихнула всю державу й досі залишається серед тем, які найбільше хвилюють українців. У травні 1914 року однією з найбільш обговорюваних подій було вбивство бандитами трьох поліцейських у Черкасах. Ховати героїв вишло все місто. Нині їхні імена забуто, а могила на Троїцькому цвинтарі заросла бур'яном.

Але героїзм не має терміну давнини. Мусимо пам'ятати події минулого, тим більше, що завдяки журналістам тодішньої місцевої газети „Черкасские отклики” ми знаємо, як усе було.

...У середині травня 1914 року невідомі особи здійснили розбійницький наліт на Лебединський монастир. Нахабно забрали монастирські коштовності, в тому числі дорогі хрести. Подія відразу потрапила на сторінки київських видань. Як з'ясувалося згодом, наліт здійснили двоє – 28-річний професійний злодій із Городища Григорій Погрібний і трохи дивакуватий 25-річний черкаський візник Матвій Зайвенко. Обоє злочинців перед цим уже „відзначилися” на Чигиринщині кількома крадіжками зі зломом. Бандити, зумівши вийти сухими з води під час нападу на монастир, подалися в Черкаси пиячити й шукали нових жертв...

Перший напад злочинці здійснили на будинок лісопромисловця Гінзбурга на Митниці. Близько першої години ночі проти 18 травня вони підійшли до парадного входу й гучно постукали.

– Чого бажаєте? – запитав господар із вікна.
– Відчиніть, свої! – відказали двоє з вулиці.

Гінзбург здогадався, що гості можуть бути небезпечними, й удався до хитрощів, крикнувши, що, мовляв, вхід через інші двері. Поки бандити обходили будинок, господар підняли крик знадвору.

Галас почув поліцейський Харитон Тацько. Він обережно підійшов до місця події, але наган із кобури не витягнув. Ця помилка стала для нього фатальною. У відповідь на запитання городового: „Що вам треба? Хто такі?” бандити двічі вистріляли в нього й, забравши револьвер пораненого, втекли.

На постріли з доволішніх будинків повибігали люди. Вони кинулися до поліцейського й заходилися, за тодішню практику першої допомоги, обливати його водою. Але рани були смертельні, й через 20 хвилин 29-річний Харитон Гнатівич пішов із життя, залишивши в рідній Руській Полянці безутішну вдову й двох діток – чотирьох і п'яти років.

Тим часом, бандити прямували в напрямку Старобазарного (тепер – Замкового) узвозу. Але на вулиці Красній (Гагаріна), на своє лихо, їм трапився м'ясник-еврей Борух Березняков, котрий у темну пору проводжав додому двох дівчат – 16-річних близнят Розу і Женю Улицьких, які готували в нього й засиділися допізна. Бандити підійшли й зажадали грошей. Дівчата з криком розбіглися. Березняков запропонував замість грошей годинник, але бандитам хотілося ще крові. Тому вони кілька разів ударили Березнякова в голову, а потім застрелили, забравши і гроші, й годинник. У 26-річного хлопця залишилася вагітна жінка і

трирічна донечка.

– Нехай більше не спіткає вас скорбота! – увечері цього ж дня, після похорону, бажали його родичам знайомі.

– Світ сповнений скорботи згори до низу, – відказував сивочолий батько...

Вистріл, яким було вбито Березнякова, почув досвідчений поліцейський (15 років стажу) Омелян Байчик, за офіційними документами – Байчиков, котрий як раз був унизу Старобазарного узвозу. Охоронець порядку побіг у бік пострілу, але бандити в нічній тиші почули його кроки й, дочекавшись, поки він потрапить під світло вуличного ліхтаря, вистрілом у живіт поклали його на місці.

Сорока дев'ятирічний Омелян Микитович залишив про собі хвору дружину й трьох дітей. Восьмирічний Павлик, дізнавшись про смерть батька, не повірив, а, побувавши в морзі, зробив висновок, що „тата там оживляють”.

– Сьогодні обідати прийде, – радісно казав малий одноліткам...

Забравши револьвер у вбитого поліцейського, бандити пішли шукати нових пригод. Повештавшись Казбетом (тоді цей район називався Кавказом), убивці згадали про будинок розпусти подружжя Рабиновичів, який тоді стояв на вулиці Лісовій (нині – Університетська).

У будинку, крім самих Рабиновичів і повій, було п'ятеро відвідувачів. Четверо розважалися „в номерах”, а п'ятий, 18-річний Арон Базилянський, ще роздумував, обираючи з двох дівчат. Річ у тім, що хлопець зібрався одружуватися й вирішив перед цим „набратися досвіду” у жриць коханця. В цей час один із бандитів постукав у парадний вхід, інший – зайшов з чорного.

– Панове бажають дівчат? – ввічливо запитав господар.

– Нам жінок не треба! Руки вгору! – відрізали нічні гості.

Моторний Рабинович устиг відскочити й замкнутися в кімнаті своєї „мадам”, коли йому навздогін пролунали два постріли. Господар і господиня, поранена кризь двері в руку, врятувалися через вікно.

Тим часом, Базилянський закляк у залі. Коли про нього згадали, тікати було вже запізно. Зайвенко навів на нього два револьвери і вистрілів з обох. Хлопець зойкнув і впаде мертвим. Тим часом, Погрібний хотів перестріляти повій, але Зайвенко його зупинив: „Жінок не чайай!”

У цей час біля вітряних млинів, на перетині Олександрівської (бульвару Шевченка) й Лісової (Університетської) стояв на посту поліцейський Никанор Тимошенко. Почувши вистріли й збагнувши, що лунають вони з будинку розпусти, він поспішив туди. Забігши через парадний вхід у будинок, Тимошенко побачив убитого Базилянського, але вдіяти нічого не встиг – бандити, які заховаляся в проході до „номерів”, відкрили по ньому вогонь. Важко поранений, поліцейський знайшов у собі сили, хитаючись, вийти надвір і почав обливати себе водою.

Як тільки бандити пішли, повій, напівоголені, вимазані в крові загиблих, почали вискакувати з будинку.

– Кличте поліцію! – сказав їм Тимошенко і впаде бездихан-

ний. Вдова 51-річного городового і двоє малих дітей залишилися без жодних засобів для існування. Важко уявити, що б з нею сталося, якби не грошова жертва одного з гласних (депутатів) міської думи Сергія Куліша.

...Вискочивши з будинку, з криком: „Стріляють! Убили! Рятуйте нас!” повій почали тікати. Але на поліцію жінки натрапили аж на розі Хрещатика і Суворівської (нині Байди Вишневецького).

Уже незабаром усе місто піднялося по тривозі. На робочі місця прибули представники прокуратури, адміністрації, слідчі. З попередженнями зателефонували до Сміли, Городища, Мошен та інших доволішніх сіл і містечок. До вокзалу й пристаней відправили посилені поліцейські наряди. Загін повітової поліції – так звані стражники – обстежили дороги до Дахнівки та Руської Поляни. Як з'ясувалося згодом, саме в цьому напрямку тікали бандити. Вдершись у Геронимівці до селянської хати, вони змусили господаря везти їх у Білозір'я, де поснідали, а відтак пішли пішки у бік Сміли.

Черкаська поліція не знайшла втікачів, зате на них натрапили смілянські стражники. Один із загонів, який прямував у напрямку Яблунівки, раптом побачив у куцах двох підозрілих людей, які намагалися сховатися. Охоронці порядку почали оточувати бандитів, і ті підняли руки. Але поліцейські вже знали, з ким мають справу й були готові до несподіванок. Справді, Погрібний раптом вихопив револьвер. Його було вбито вистрілами відразу кількох гвинтівков. Зайвенко здався.

Слідство оперативно провів слідчий у особливо важливих справах Квітницький. Всі свідки впізнали Зайвенка й мертвого Погрібного. Міський лікар Альберт Гоппен провів розтин тіл загиблих. Євреїв поховали того ж дня, поліцейських – відспівали у Свято-Троїцькій церкві.

Тисячний натовп супроводжував домовини від моргу до храму, а звідти, 20 травня, – на кладовище. Усі доволішні вулиці були заповнені народом. Проповідь виголосив отець Кирило Шараєвський – священник нагадав, що той, хто поклав душу свою за друзів своїх, отримає нагороду від Бога... Звучали й інші промови. Поховали загиблих у братській могилі.

Минуло 102 роки. Могила загиблих поліцейських дивом зберіглася. Але... «Наразі пам'ятник (гранітний обеліск) нахилений, хитається його верхня частина, – написав кілька місяців тому черкаський журналіст Борис Юхно. – Окрім цього, якій виродеки знову намагалися „докопатися” до нагород... У Черкасах знову є поліція. Можливо, її керівники взяли б шефство над могилою колег, які загинули понад 100 років тому?».

На жаль, цього наразі не відбулося. Буквально просяться на язык слова відомого черкаського археолога Михайла Сиволапа: „А що, з нинішніми нашими героями теж колись так буде? Адже немає різниці між героєм, що загинув рік тому чи 1000 років тому. Вони всі вмерли, щоб ми жили...”

Максим СТЕПАНОВ,

журналіст „Прочерку”, кандидат історичних наук.

Пост Десятого Тевета

В хронології особа печальних подій єврейської історії Десятого Тевета являється першим, а затем следует Семнадцатое Таммуза, Девятое Ава и Пост Гедальи (третьего Тишрея).

В 3336 году по еврейскому летоисчислению (в 424 году до н.э.) Десятого Тевета началась осада Иерусалима вавилонским царём Навуходоносором. Осада была длительной и тяжёлой и завершилась захватом города и его разрушением, сожжением Храма и высылкой евреев в Вавилон.

Пророки того времени постановили, что этот день будет днем молитвы и поста для будущих поколений. В еврейской традиции события исторического плана практически всегда трактуются, как имеющие духовную, мистическую или религиозную предпосылку. Вот какое объяснение осаде Иерусалима и разрушению Храма дано в Книге Царей. Когда евреи пришли в Израиль, Б-г поставил им одно основное условие: „Соблюдайте же все Мои постановления и все Мои законы, исполняйте их, дабы не исторгла вас земля, в которую Я веду вас, чтобы вы жили в ней” (Ваикра, 20). Из двадцати одного поколения евреев, живших в Израиле до разрушения Первого Храма, лишь некоторые соблюдали божественные законы и заповеди – как простой народ, так и священнослужители переняли обычай языческих народов, живших рядом с ними, и наполнили страну идолами, поклонялись культовым деревьям и изваяниям. Чтобы вернуть народ к Торе, Б-г послал ему пророков, но и пророки звали к сынам Израиля напрасно... „Пока не разгневался Господь на Свой народ так, что уже не было исцеления” (Диврей Гаямим II, 36). Иначе говоря, пост Десято-

го Тевета стал наказанием за отступление от Б-жественных установлений. Поэтому Десятое Тевета – это день воспоминаний о разрушенном Храме, день, когда принято вспоминать величие и красоту Иерусалима.

Но скорбь всё же не является основным содержанием этого дня, Десятое Тевета – это ещё и день, когда нужно стремиться исправить свои поступки, чтобы евреи смогли стать свидетелями возрождения города „вскоре, в наши дни!”.

Десятого Тевета произошло ещё одно печальное событие, на сей раз лишь косвенно связанное с уничтожением еврейского государства – в этот день был закончен перевод Торы на греческий язык. Это событие религиозная традиция сравнивает с созданием золотого тельца, поскольку считается, что невозможно перевести Тору на другой язык, не исказив её смысла.

В еврейской традиции это событие описывается следующим образом. Птолемей Второй – правитель эллинистического Египта, искал возможность опровергнуть Б-жественное происхождение Торы и природу её законов. Для этого он призвал семьдесят два еврейских мудреца и приказал им перевести Тору на греческий язык. Если бы Птолемей действительно интересовался Тора, он заявил бы о своём желании заранее и предоставил бы мудрецам возможность совещаться между собой и создать коллективный перевод. Но Птолемей поместил каждого мудреца в отдельное помещение, чтобы они не могли общаться друг с другом. Видимо, его целью было получение различных тол-

кований Торы, ведь в греческой традиции (и в выросшей из неё европейской, современной нам традиции) считалось (и до сих пор считается), что различения в переводе вызваны несовершенством источника. Но после окончания работы оказалось, что все семьдесят два перевода идентичны. Даже в тех местах, где мудрецы решили изменить при переводе прямой смысл Писания, они действовали совершенно единодушно. Появление этих переводов позволило многим народам мира ознакомиться с Торой. Тем не менее, еврейские мудрецы понимали, что перевод не может сравниться с подлинником, что может стать причиной искажённых толкований Святой Книги.

Сам пост необходим не для изнурения плоти, а для того, чтобы способствовать раскаянию. Поэтому те, кто, воздерживаясь в дни поста от еды и питья, отправляется гулять и ведёт пустые разговоры, упускает самое главное. Однако раскаяние в эти дни невозможно без поста, поскольку пост – это заповедь, данная нам пророками.

Общественный пост, выпавший на субботу, переносится на следующий день. Это не относится к Йом Кипуру, заповеданному нам Торой. Гаоны – еврейские мудрецы, жившие после завершения Талмуда, – писали, что если бы пост Десятого Тевета выпал на субботу, его не следовало бы переносить. Но, согласно нашему календарю, 10 Тевета никогда не приходится на субботу.

Все посты, за исключением Йом Кипура и Девятого Ава, продолжаются от утренней зари и до выхода звёзд. Вечером

Национальный алейфбет

и ночью в эти дни можно есть, если ещё не ложились спать. Тот, кто лёг спать и проснулся ещё до рассвета, есть уже не может – для него начался пост.

В дни постов, продолжающихся только в дневное время (3 Тишрея, 10 Тевета, 17 Таммуза и 13 Адара), разрешено умываться, умащаться и носить кожаную обувь. Всё это запрещено только Девятого Ава и в Йом Кипур.

Однако и в эти дни запрещается полоскать рот водой, а также брать в рот любую пищу даже для того, чтобы только попробовать её на вкус и выплюнуть.

Больные (даже неопасно), беременные и кормящие женщины, которым трудно поститься, а также дети освобождены от обязанности поститься в эти четыре дня. Однако они не должны есть при всех, лакомиться деликатесами и вообще кушать ради удовольствия. В этот день им следует ограничиться простой пищей, полезной для их здоровья. Это относится и к детям. Они должны скорбеть о разрушении Храма вместе со взрослыми, несмотря на то, что не участвуют в посте.

Посты, установленные в память о разрушении Храма, будут отменены, когда придет Машиах. Более того – тогда они станут праздниками, днями радости и веселья.

После создания Государства Израиль Десятое Тевета получило ещё один смысл. Главным раввином Израиля постановил, что этот день будет Днём всеобщего Поминовения – Днём памяти жертв Катастрофы, дата гибели которых неизвестна, и тех, по кому прочитать поминальную молитву некому. Поэтому во время молитв на протяжении Десятого Тевета принято зажигать поминальную свечу и произносить Поминальную молитву.

Как офицер влюбился в девочку из Житомира

Меир Дизенгоф (1861-1936), основатель и первый мэръ Тель-Авива, которого часто называли „хозяйнином города“, вряд ли нуждается в особом представлении. Но вот о том, что, кроме хозяина, у Тель-Авива была ещё и хозяйка – сегодня помнят немногие. А, между тем, история этой женщины заслуживает того, чтобы её рассказали...

Жизнь Меира Янкелевича или, если угодно, Михаила Яковлевича Дизенгофа – это вообще сюжет для романа, такого же авантюрного и безумного, как и город, который он создал. Уроженец бессарабского местечка Акимовичи, сын владельца небольшой кожевенной фабрики, он после переезда с родителями в Кишинёв сумел сдать экзамены экстерном на аттестат зрелости, поступил на службу в царскую армию и – невиданное дело для еврея! – в 20 лет стал офицером и в этом качестве оказался в 1881 году в Житомире.

Здесь он в силу самой противоречивости своей натуры сделал два несовместимых друг с другом шага, во многом определивших его дальнейшую судьбу. Во-первых, стал членом кружка „Народная воля“ и занялся революционной деятельностью. А во-вторых, сдружился с городским раввином Шломо Бренером. А у Житомирского раввина, само собой, была дочка. Правда, звали её не Ента, а Зина, но дальше всё похоже: она была „такая тонкая, как шёлковая лента; такая нежная, как северская посуда; такая умная, как целый том Талмуда“. Читатель уже догадался, что произошло дальше: Меир и Зина (она же в ивритском произношении Цина) полюбили друг друга.

Но стоп, читатель! Если Меиру-Мише Дизенгофу шёл в то время 22-й год, то Зине было... только 11. И если бы между ними что-нибудь в то время произошло, то в наши дни это бы назвали педофилией. Да и тогда, понятное дело, столь ранняя любовь совсем не одобрялась.

Может быть, именно для того, чтобы сублимировать возникшее у него противоестественное чувство к ребёнку, наш Михаил Яковлевич оставляет службу и спешно уезжает в Одессу, чтобы целиком отдать себя революции. Последствия не заставляют себя долго ждать: в 1885 году его арестовывают.

В тюрьме с ним происходит душевный переворот, который происходил затем со многими евреями: теперь он видит своё жизненное предназначение в служении еврейскому народу. И в 1886 году, сразу после освобождения, едет в Кишинёв, где основывает местное отделение общества „Ховевей Цион“ („Возлюбившие Сион“). Но по пути как бы ненароком заглядывает в Житомир, в дом рава Бренера, и снова сталкивается с Зиной. Теперь ей уже 15, она чудо как хороша, и Меир ей явно нравится...

Но он снова одергивает себя: нет, ещё не время.

Затем Меир уезжает в Париж – учится в Сорбонне на инженера-химика, а затем проходит стажировку на стекольном заводе. В 1891 году он возвращается в Россию и снова появляется в Житомире. На этот раз ему удаётся объяснить с уже вполне взрослой Зиной-Хаей. Он делает ей предложение, но раввина Шломо Бренера такой брак дочери, похоже, явно не устраивает. Влюблённым надо бы договориться, как им действовать дальше, но тут Меир уезжает в Палестину: барон Ротшильд пригласил его стать директором завода по производству бутылок для разлива вина с его виноделен.

Так Меир Дизенгоф появляется в Тантуре и буквально с нуля создает стекольный завод. Он как-то с ходу, мгновенно овладевает арабским языком и становится своим среди местных арабов – что значительно облегчает ему работу по налаживанию производства. В числе его близких друзей оказывается и местный шейх, а арабы, однаж-

ды заглянув в его лабораторию, начинают называть его не иначе, как доктор – у кого же ещё, как не у доктора может оказаться столько склянок с разными жидкостями и порошками.

Поэтому, когда у шейха заболела единственная и любимая дочь Фатима, он обратился с мольбой к Дизенгофу с просьбой её вылечить. Что именно сделал с девушкой Михаил Яковлевич неизвестно, но спустя несколько дней она и в самом деле пошла на поправку – может быть, просто благодаря молодости.

Но ещё через пару недель Фатима призналась отцу, что без памяти влюбилась в еврейского „доктора“. Шейх, как уже было сказано, безумно любил дочь, а потому вызвал Дизенгофа и сказал, что готов ради Фатимы на всё – в том числе, на то, чтобы объявить его своим зятем и наследником своего огромного состояния. Дизенгоф любезно поблагодарил друга за это предложение, но ответил, что у него уже есть невеста в России, а у них, евреев, не принято иметь двух жён.

В это самое время Зина-Хая и в самом деле спешила к любимому (с разрешения или без разрешения отца – история умалчивает, но, скорее всего, верно последнее), и в 1893 году влюблённые встретились в Александрии, где тут же встали под хупу. Так что в Палестину Дизенгоф вернулся женатым человеком. Более того – его молодая жена ждала ребёнка!

Дела между тем у директора стекольного завода дела шли хуже некуда. Тантурский песок не подходил для производства бутылок. Из-за его социалистических убеждений у него крайне напряглись отношения с бароном Ротшильдом, обвинявшим его в сговоре с рабочими. А вскоре, вдобавок к прочим бедам, началась эпидемия малярии.

Но самое страшное заключалось в том, что малярией заболела и его Зина. Это на пятом месяце беременности! По совету врачей Дизенгоф увозит жену в Париж – под наблюдение тамошних специалистов. В 1894 г. Зина рождает девочку, но ребёнок заражён вирусом малярии и спустя два месяца умирает. А затем врачи объявляют супругам Дизенгоф страшный вердикт: вирус сказался на фертильной функции роженицы, и у них больше не будет детей.

Сражённый этим известием Дизенгоф возвращается в Эрец Исраэль. Он решает заглянуть в гости к своему другу-шейху и не узнает его: кажется, что тот за это время постарел на все десять лет. Шейх рассказывает ему, что вскоре после его отказа взять Фатиму в жёны, она снова заболела и умерла – вероятнее всего, захла от неразделённой любви, и теперь жизнь потеряла для него всякий смысл.

Отношения с Ротшильдом, который видит в Дизенгофе виновника закрытия стекольного завода и тайного коммуниста, напрягаются до предела, так что Зина и Меир вынуждены уехать, точнее, бежать из Палестины в Одессу.

Здесь Дизенгоф начинает заниматься коммерцией, а Зина-Хая превращает их дом в самый известный салон в городе: здесь собирается весь цвет одесской еврейской интеллигенции, включая поэта Хаима-Нахмана Бялика, историка Семёна Дубнова, Ахад ха-Ама, Хаима Равницкого – всех и не перечислишь.

К этому времени Герцль уже написал свой „Альтнойланд“ и развернул знамя политического сионизма, и имя Дизенгофа значится в списке делегатов 5-ого и 6-ого Сионистских конгрессов. На последнем он оказывается в числе решительных противников плана создания еврейского государства в Уганде вместо Палестины, но ещё до этого, в 1904 году, создает общество „Геула“ для покупки земли и капиталовложений в Эрец Исраэль.

В 1905 году Дизенгофы возвращаются в Израиль, а в

английскому генералу Алленби и называет в его честь одну из главных улиц города.

С этого времени (официально с 1921 года) и вплоть до конца жизни Меир Дизенгоф становится бессменным мэром Тель-Авива и превращает его в самый быстроразвивающийся город страны. Он привлекает в Тель-Авив лучших немецких архитекторов, делает его мировой столицей стиля баухауз, развивает инфраструктуру города, создает в нем порт и железную дорогу.

Но если своим внешним обликом Тель-Авив обязан Меиру Дизенгофу, то самим духом и характером именно Зине. Точнее, теперь уже Цине.

Именно Цина Дизенгоф мечтала сделать Тель-Авив центром новой еврейской культуры – и эта мечта в итоге воплотилась в жизнь. Именно она уговорила поселиться здесь почти всю еврейскую богему тех лет, способствовала созданию ряда знаменитых тель-авивских кафе, а дом Дизенгофов на проспекте Ротшильда был, как и до того в Одессе, самым модным светским салоном во всей подмандатной Палестине.

Попутно она занималась развитием городского образования, и она же убедила актёров еврейского театра „Габима“ (одним из создателей которого был Евгений Вахтангов) не возвращаться с гастролей в Россию, а остаться в Тель-Авиве. В 1928 году великий актёр и режиссёр Алексей Дикий ставит здесь на иврите спектакли „Золотоискатели“ и „Корона Давида“ – и с этого начинается история главного театра Израиля. Думается, теперь читатель понял, почему эту женщину называли „хозяйкой города“.

В 1930 году Цина Дизенгоф умирает, и в её похоронах принимают участие тысячи людей. Смерть жены становится для Меира Дизенгофа страшным ударом. Ради увековечивания её имени он объявляет, что передает их дом в дар городу в качестве Музея искусств, а сам перебирается в две комнаты на верхнем этаже, где и живёт до самой смерти в 1936 году. В 1948 году именно в этом доме была зачитана Декларация Независимости Израиля, а сейчас в нём расположен музей города.

Кстати, немногие знают и о том, что самая знаменитая площадь Тель-Авива – площадь Дизенгоф на одноименной улице – названа именно в честь Цины, а не Меира Дизенгофа.

Пётр ЛЮКИМСОН.

Потрясающая история

Эта история кажется абсолютно неправдоподобной. Но так было.

В 1997 году итальянский режиссёр Роберто Бенини снял фильм „Жизнь прекрасна“ – о судьбе еврея, скрывающего своего 5-летнего сына в нацистском концлагере. По сюжету, узник объясняет ребёнку – это игра. Следует избегать эсэсовцев, нельзя ныть, жаловаться и просить кушать – тогда он наберёт очки, и заработает приз – настоящий танк. Бенини получил три премии Оскар, прославившись на весь мир (кстати, лично мне фильм показался красочным лубком). Однако, считая свою историю вымышленной, режиссёр не догадался – такой случай имел место на самом деле.

Янек Шляйфштайн родился 7 марта 1941 года в еврейском гетто города Сандомир, расположенного на юго-востоке оккупированной Польши.

Впервые родителям пришлось спрятать его, когда мальчику был всего годик от роду: узников гетто перевезли в Ченстохову, в качестве рабов для фабрики вооружений HASAG. В первый же день эсэсовцы забрали всех детей как бесполезных для работы – малышек отослали в Освенцим. Мать Янека успела увести ребёнка в подвал, и там он прожил целых 1.5 года, в полной темноте: свет появлялся лишь тогда, когда спускались родители с едой и свечами. Они приучили мальчика к молчанию – ведь звуки могли привлечь солдат, а также завели кошку, чтобы та ловила мышей, способных покусать Янека. В сентябре 1943 г. персонал фабрики заменил поляками, а евреев отправили в концлагерь Бухенвальд. Именно тогда Израиль Шляйфштайн сказал своему 2,5-летнему сыну: „Сейчас мы сыграем в интересную игру. Я обещаю тебе вечером три кусочка сахара. Условия такие – ты не будешь плакать, что бы ни случилось“. Сахар был громадной ценностью, и едва умеющий говорить Янек тут же согласился. Отец сделал большой мешок с дырками для воздуха: посадил внутрь сына, закрыв сверху одеждой, и забросил сумку на плечи.

В Бухенвальде семью разлучили. Мать Янека увезли в другой концлагерь – Берген-Бельзен, а стариков и детей, прибывших из прочих гетто, расстреляли тут же у поезда, на глазах заключённых. Командант лагеря штандартенфюрер СС Герман Пистер заявил: „Нам нужны работники, а не дармоеды“. Израиль Шляйфштайн тайком пронёс сына в барак, где встал вопрос: что делать дальше? Два немца-коммуниста помогли спрятать мальчика. Малышу отдавали кусочки хлеба из скудной лагерной пайки, тайком приносили дождевую воду. Один из узников выточил

из дерева игрушку – крохотную лошадку. Ребёнок всегда разговаривал только шёпотом, и никогда не плакал. „Нужно, чтобы плохие дяди не нашли тебя, – объяснял отец. – Иначе они увезут нас к злой колдунье. В итоге, эта деревянная игрушка сослужила плохую службу: лошадку обнаружил во время осмотра барака охранник, 30-летний роттенфюрер СС. Он подверг помещение обыску и наткнулся на тайник, где скрывался малыш. И тут произошло реальное чудо – у эсэсовца был сын возраста Янека, и ему понравился крохотный, не улыбочивый мальчик. Роттенфюрер не стал докладывать коменданту о своей находке, а оставил ребёнка в бараке, назвав талисманом Бухенвальда. Более того, распорядился пошить ему детскую лагерную робу. Маленького узника отныне вызывали на утреннюю поверку, чтобы тот рапортовал в конце: „Все заключённые подсчитаны!“ Однако, когда в барак являлись высокопоставленные офицеры СС ребёнка снова помещали в тайник: все дети в Бухенвальде подлежали уничтожению. Как-то раз (уже в феврале 45-го) Янек случайно остался без присмотра, вышел поиграть во двор и попался на глаза заместителю начальника лагеря. Тот пришёл в бешенство, приказав переместить мелкого еврея туда, где ему самое место. Мальчика схватили, чтобы вести в газовую камеру, но его отец вымолил пару суток для прощания с малышом, обещав взамен изготовить для эсэсовца (страстного любителя лошадей) красивое седло. И вновь счастливое совпадение – через два дня нациста отправили на Восточный фронт. Израиль Шляйфштайн, благодаря Б-га за удачу, спрятал сына в лагерной больнице, где ребёнка и скрывали до 11 апреля 1945 г., пока заключённые Бухенвальда не подняли восстание, захватив в плен охрану...

Это просто сказочное, небывалое везение. Ведь для малыша шанс выжить среди убийц был минимален – это всё равно, что уцелеть в стае голодных волков.

После войны выяснилось, что мать мальчика спаслась – её нашли в Дахау. Восстановив здоровье, в 1948 г. вся семья выехала в Америку: их случай стал известен после фильма Бенини, когда в госархиве США была обнаружена история Янека. Дав единственное интервью журналистам, самый маленький узник Бухенвальда устранился от общения с прессой. 75-летний Янек Шляйфштайн и сейчас живёт в Нью-Йорке. Он рассказал, что всю жизнь впоследствии спит с включённым светом, ибо боится темноты: сказалось пребывание в подвалах Ченстоховы и тёмных углах барака. В 1947 г. шестилетний узник концлагеря стал самым юным свидетелем на судебном процессе против охранников Бухенвальда в городе Дахау, опознав четырёх эсэсовцев, наиболее жестоко обращавшихся с заключёнными. По итогам этого процесса, 13 сотрудников охраны были повешены, а комендант Бухенвальда Герман Пистер, ожидая казни, умер от инфаркта в тюремной камере.

Г.И.Ю.Р.

Мерзавец. Просто мерзавец!

Я сделал вид, что ничего не слышу, и ещё глубже ушёл в пиджак и Фейсбук.

– Козёл... Негодяй! Урод! Не верю ни одному слову. Хотя мне говорили! Меня предупреждали!...

Я закатил глаза к потолку в надежде показать, что всё это меня совершенно не касается и мне неинтересно. Кроме того, я демонстративно отвернулся. Атмосфера вокруг продолжала кипеть и наливалась страстями.

– Всё это сделано специально, только чтоб меня унижить. Подлец – всё наверняка знал и обо всём заранее договорился. Но ничего, ничего, я отомщу. Ты у меня поплачешь.

– Ты кого имеешь в виду? – спросила подруга. – Его самого или батюшку?

– Какого батюшку?! Я уже кое-что соображаю в этой ахинее. У них нет батюшек. Они же евреи.

– Ни фиги себе. Гонишь! А кто ж у них есть?

В это время к столику подошла третья подруга. Девочки расцеловались, и вновь пришедшая скосила глаз на хозяина ризотто за соседним столом, то есть на меня:

– Где-то я его видела... – услышал я сдавленный шёпот. – Кажется, по телевизору... Он не ведёт погоду по какому-то каналу?

Девочки пожали плечами и потеряли ко мне всякий интерес. Рассказ для вновь прибывшей начался снова. Я опять застыл, сделав вид, что Фейсбук – это молитвенник...

История одной из красоток за соседним столом сводилась к следующему.

Тата встречается с неким Семёй, молодым человеком не чуждой мне национальности. В ответ на её предложение пожениться, Семён сообщил, что он в принципе „за“, но его родители хотели бы видеть будущую супругу одного с ними вероисповедания. И он тоже туда же: за последние 5700 лет в их семье это стало традицией, отступить от которой не хотелось бы. Тата поговорила с подружками, которые уже stalkивались в своей жизни с „нехристианами“, и те сообщили ей, что на самом деле у евреев всё через ..., в общем, не всё так просто. В отличие от всех нормальных религий, иудеи совершенно не хотят распространяться по белу свету и, более того, никого не хотят к себе „приевреивать“. Но нет правил без исключений: и оказалось, что существует целая мудрёная процедура под кодовым названием „гиюр“, в результате которой жизнь с Семёй может наладиться на постоянной и легитимной жидомасонской основе. Тата нырнула в интернет и утонула там в непонятной ахинее. Во-первых, религиозный переход должен быть якобы осознанным. Тут вопросов не возникло. Семёй был завидным женихом, и поэтому переход в иудаизм был более чем осознанно необходим. Во-вторых, надо было жить по законам Торы. С этим были сложности. Тата по понятным причинам не знала никаких законов вообще, включая уголовные, и к тому же она слабо представляла себе как Тору, так и прилагающегося к ней „тореадора“, в смысле раввина. С субботними свечами было полегче. Яна накупила ароматизированных свечей в „Азбуке вкуса“ (две на журнальный столик и две на тумбочки около кровати) и ещё кое-что в „Agent Provocateur“. К пятничному вечеру (в интернете он почему-то назывался „шаббат“) вроде бы подготовка закончилась. Впереди, правда, маячили непонятные слова типа „кашрут“ и производные от этого ужаса термины, а также некие якобы необходимые молитвы. Тата помнила с детства невнятное бормотание боящейся коммунистов старенькой бабушки, которая журчала что-то похожее на „уже еси на небеси“, и на Пасху куда-то ходила с вкусным кексом. Девушка кожей понимала, что для новой религии этого явно может оказаться недостаточным. Невесте господину Лейбовича точно нужна была справка, говорящая, что она, Татьяна Ивановна Погарелкина, начиная с такого-то числа – еврейка. Решение созрело быстро. Яна надела своё лучшее декольте, подходящие под него „лабутены“ и отправилась к местному раввину. В конце концов, он же тоже мужик... и если посмотрит на неё таким же взглядом, как смотрит Семёй после ужина и иногда с утра, когда не торопится на работу... проблем не будет.

Александр Моисеевич Борода – известнейший и очень уважаемый московский раввин, хасид, то есть священнослужитель, представляющий ортодоксальное направление иудаизма. Декольте, мини-юбка и „лабутены“ трогали раввина приблизительно как атаки нашей сборной по футболу команду Уэльса на последнем чемпионате Европы. То есть никак. Так, слегка раздражали.

Разговор не заладился с самого начала. Обращение „святой отец“ в синагоге не канал. Александр Моисеевич сослался на то, что он далеко не святой, а что же касается отцовства, то Танину мать он вообще не упоминает. Раввин терпеливо объяснял, что гиюр – это непростая вещь, что к нему надо прийти духовно, через сердце и душу, через непоколебимую веру и учёбу, что в среднем это занимает около двух лет, хотя сроков никаких нет, и надо просто очень хотеть. Тата слушала, но не слышала. Ей страшно хотелось курить, было скучно и совсем не терпелось расстегнуть кое-что для того, чтобы достать наружу припасённый и неубиенный аргумент. Наконец раввин смолк. Если бы не фамилия Лейбович, выбитая золотом на стене в списке уважаемых прихожан синагоги, то он и разговаривать с этой особой не стал бы. Тата поняла, что момент настал, вздохнула, коралловыми ногтями с белыми точками расстегнула тугую пряжку „Louis Vuitton“, достала из внутренностей сумки котлету американских купюр и, на всякий случай, не выпуская её из рук (кругом всё-таки евреи, народ непонятный или, скорее, понятный), тихо спросила: „Батюшка, давайте по-честному. Сколько?“

Борода раввина Бороды слегка дрогнула. Вылетевшие слова были едва слышны, но очень понятны. „Вон отсюда...“ – повторил служитель культа ещё раз. Аудитория закончилась, как депульпация нерва: Тата была удалена из полости синагоги. Шансов на скоротечный гиюр не было никаких...

...Барышни поцокали языками и согласились, что раввин – конченный негодяй, так как деньги не взял. Но, возможно, Сеня тоже негодяй, и всё подстроил. Что подстроил Сеня, оставалось маленькой девичьей тайной, но так было легче кипеть и рычать.

– Шалом, гхений! – приближаясь к столу, громко поприветствовала меня тётя Роза. Как всегда, её улыбка исходила доверие и смелость. Тётя была вообще-то тётей не моей, а моего приятеля и друга детства. Но меня она знала с младенчества и (как это было принято в родной Одессе) всегда называла любимого Сашеньку „майн ингеле“. Имела некое на то право: говорят, что у неё были романы с обоими моими дедушками. Не знаю, не знаю, но в семье всегда шутили, что „это всё из-за того, что Розочкин муж со своим сложным характером её чуть-чуть недолюбливал. Два-три раза в неделю. Вот ей и не хватало...“ Тётя Роза с возрастом стала серьёзным бизнес-инвестором и только что вернулась с питерского экономического форума. Живая, подвижная и стройная, ухоженная, со вкусом одетая женщина, несмотря на обилие бриллиантов во всех видимых местах, тётя Роза была ходячей легендой. По-моему, кроме инвестиций в Питере, там был ещё найден некий жених... Близкое общение с мужчинами всегда резко омолаживало коренную одесситку. Злые языки говорили, что если Розиту запустить на всю ночь на оргию, то с утра она будет выглядеть так, что в кафе ей не принесут мохито без наличия паспорта.

– Ой! – услышав „шалом“, заговорили девочки за соседним столом. – Вы, извините за выражение, евреи? А то у нас как раз проблемы. Может быть, можете или посоветуете что-нибудь?

– Нет, шо вы, мы пэруанцы, – моментально отреагировала Роза Львовна с усилением на „э“. – Конечно мы евреи! Если есть сомнения – извинитесь прямо среди здесь. А об помочь? Ещё как надо на здрасьте помочь таким красивым мейделе!

Через десять минут застольной беседы в нашем любимом „Аисте“ девушки, почувствовав в тёте Розе родную душу, хохотали вовсю и бодро рассказывали о своих мытарствах. По дороге выяснилось, что вторая дивчина тоже собирается замуж за нерусского парня и ей наверняка ждут такие же испытания. „Очевидно, в некоторых кругах наши ребята снова в моде...“ – читалось в глазах моей тётушки.

– У меня на Четырнадцатой станции в Одессе был когда-то кавалер Изя Лейбович. Застенчивый парень с большим апломбом. Это случайно не папа вашего жениха?

Тата чуть покраснела, но затем заговорщицким тоном, глядя почему-то слегка в сторону от своей новой старшей подружки, сказала: „Не думаю. У моего Семёй апломб как апломб. Я и больше видела.“

В глазах тёти Розы читалась искорка смеха и какая-то потаённая бизнес-мысль.

– Послушай, красotka! Я сильно не хочу, чтобы какой-то Сеня съехал с темы. У нас, у евреев, если ты способствуешь и люди женятся, то это очень зачтётся на гденибудь там. Называется „мицва“ – благое дело. Я сама пойду к его родителям и скажу, что дружила с твоей бабушкой. А она таки была еврейкой, только стеснялась сказать. Расскажи мне за этого Сеню.

Еврейская майса

Подруги явно увидели в тёте Розе свою в доску, потому что после небольшого рассказа про Семёна выяснилось, что у него есть ещё конкурент – православный Коля. Николай хорош собой, гиюр за пазухой никогда не держал, но был значительно беднее Лейбовича. Это был существенный недостаток в глазах всех присутствующих дам, который по уровню изьяна мог быть сравним лишь с полной импотенцией. И то...

Через полчаса беседа приняла неожиданный оборот.

– Я имею сказать, девочки, что за эти годы положила полздоровья, пока всех своих не выдала замуж. Из задрипанной обстановки барышни переезжали во дворцы. Надо в Москве открыть агентство „Тётя Роза“. На идише – „Шидух“. Саша, ты знаешь, это хороший бизнес. Скорая помощь Розы Львовны отвезёт вас прямо в ЗАГС, чтоб вы были живы и здоровы. А мой мальчик, он гхений и юрист одновременно, будет всем делать это слово... Как это называется?

– Брачный контракт, тётя...

– О! Вы слышали? Я вам говорила шо про своего ингеле? Гхений! А пока, деточка, давай сюда телефон Семёй, я с ним разберусь, как положено. Он у меня сам в обручальное кольцо влезет без мыла. Не всунет палец этот – всунет другой.

Ещё через полчаса я вез тётю на машине.

– Роза Львовна! Вы что, серьёзно будете звонить этому Лейбовичу?

– Я? А что? Мне кажется, он должен быть милым пацанёнком. Кроме того, не забудь, что у тебя две дочки на выданье. А какое приданое ему может предложить эта Тата, чудная девочка, между прочим? Полную жменю разных блошек, полученных от Коли? Я не буду иметь против погулять на свадьбе твоих дочурок с каким-нибудь Семёном Израилевичем. Шо ты молчишь, как будто я у тебя стакан крови попросила? Скажи уже что-нибудь! Того гляди, щаз наш шойфер Игорёк въедет кому-нибудь не в то место. А бизнес это хороший. Хотя на вечер, хоть на пятнадцать минут, но пусть люди женятся... И этой аникейве Тане тоже кого-нибудь найдём.

Я застонал.

Тётя решила сразу заехать к нам домой и поговорить со всеми.

На кухне разгорелась довольно оживлённая дискуссия. Я махнул рукой и ушёл в гостиную смотреть телевизор. Время от времени до меня долетали отдельные фразы: „Я же Роза Львовна! Не забудьте. Любой бизнес, который я начинала, я хорошо кончала!“, „Как-то неудобно!“, „А я уже встречаюсь...“, „Мишигинер! Я что, хочу у тебя отнять твою встречалку? Не понравится – будете дружить!“

Чтобы не слушать этот бред, я сделал звук погромче. Но до этого кое-что меня насторожило: „А ещё, между нами, это, конечно, не для твоих девочек... это так, на подумать: у меня есть один красавец, его знает вся налоговая и ничего не может сделать. Правда, он чуть постарше твоего мужа... конечно, не такой, как твой Гхений, Интеллектуал и Юрист, но у тебя же есть подружки. Дай старой тёте поднять дело с нуля.“

„Гений, Интеллектуал и Юрист? Сокращенно – это ГИЮР...“ – подумал я.

Хотелось увидеть через стекло лицо любимой, но она сидела ко мне спиной...

То, что у тёти получится серьёзный бизнес, было понятно даже лежащей у моих ног Джессике. Похоже, ей тоже был нужен муж.

Александр ДОБРИНСКИЙ.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

 Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Наши спонсоры: Еврейская Федерация большого МетроВеста, Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.

Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак. Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г. Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66. ☎ (0472) 37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: ineinem@mail.ru <http://hesed-dorot.ck.ua> Отпечатано в типографии г. Чернойбай. Тираж 800 экз. Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.